

Валентина Жолудева
**Недоразумение и
его подоплёка**

Валентина Жолудева

Недоразумение и его подоплёка

«Автор»

2026

Жолудева В.

Недоразумение и его подоплёка / В. Жолудева — «Автор», 2026

Занимательные похождения мысли по кругу, одному, другому и всем остальным, расходящимся на поверхности ума от брошенного украдкой вглубь сознания взгляда на самоё себя. Сюжет как будто незамысловатый, но местами острый. В кульминационный момент с течением обстоятельств мысль уносит в такие дебри, в которых ей придётся изгаляться, чтобы как-то продолжить своё логический ход. По нему, по ходу, она будет то терять, то снова находить ту ариаднину нить рассуждений, с помощью которой по возвращении восвояси она начнёт завязывать новые синаптические связи. Или ей будет только так казаться? Ответить на этот и, возможно, ещё какие-то вопросы вы сможете себе, пройдя по всем извилинам мысленного пути вместе с нею.

© Жолудева В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Валентина Жолудева

Недоразумение и его подоплёка

Глава

А не замечали ли, случайно, когда-нибудь и Вы ту любопытную аналогию между «Садом расходящихся тропок» Борхеса и пресловутой многомировой интерпретацией Эверетта, которую трудно не заметить? Не знаю, стоит ли, но я даже диву даюсь, насколько она непосредственна. Вот это ощущение, когда ветвятся варианты. Вопрос ведь не в том, откуда оно берётся, а в том, куда его девать. А с ним и маленькую, детскую обиду на то, что не пускают. Шутка ли (если да, то дурацкая). Своим, если можно так сказать, умом ты понимаешь, что вот сейчас буквально из-под носа вероятности расходятся, кто куда, по потенциальным, альтернативным, иным каким-то весям. А ты ни черта не квантуешься, торчишь, как пень, всегда из одного места. Хотя не совсем, ты немного тянешься, как лягушка языком, своей языкообразной мыслью за горизонт событий, тянешься, но оторваться не можешь. Ты к чему-то прилип, к чему-то вроде самоидентификации. И вместе с этой ерундой движешься по заданной траектории, непрестанно размышляя, какой дурак её тебе задал. И даже щель, в которую тебе лететь, ты не выбираешь. А если выбираешь, то это уже, увы и ах, не ты. Ты просто летишь и бьёшься лбом в одну и ту же стену.

Проще говоря, в диалектике субъекта и объекта, наблюдателя и наблюдаемого, среды и системы тебе отведена почётная участь того парня, который всё это претерпевает, так или иначе. (Само собой, при всякой встрече в каком-никаком трансцендентном контексте с тремя ипостасями, будь это дух или грибница, приходится признать их триединство, но в данном случае уж слишком неважно, есть оно или нет). И вот здесь можно, если захочется, обнаружить феномен (он может быть эпифеноменом вполне): как именно, так или совсем иначе, то или сё претерпевать, приобретает важность (и, соответственно, значение), сопоставимую с тем, то или сё претерпевать. «Как» превращается во «что». На ум приходят слова, боюсь соврать, Томаса Манна «как» — это растянутое во времени «что». Хорошие слова (может, мои), я рада, что они пришли, жаль, близко сюда не подходят. Но и отсюда видно, что из них что-то вытекает. А вытекает из них неприятный вопрос: выбираем ли мы... нет, мы ли выбираем, как. Насколько от нас зависит (если вообще), каким именно образом что-либо претерпевать. На этом самом, кстати говоря, моменте, когда в голову к тебе пришла подобная мысль, пиши пропало. Твоё здравомыслие в первую очередь. Чувство юмора — во вторую.

Да и ответ на этот вопрос, как ни крути его, значения никакого не имеет. Потому что вопрос, вытекая, становится глубже: из чего. Кто отвечает за ассортимент? Не точек зрения, долой пуантилизм, целых полей. Зрения, вероятности, чудес, полей самой разной, от семантической до электрической, природы, среди которых может разгуляться сознание, если, конечно, их осознаёт. При таком искусственном освещении вопрос ассортимента кажется эсхатологическим, фатальным. Какая, в самом деле, разница, можешь ты выбирать или нет, если не знаешь, из чего? Если ты пнём, опять же, врос в свою несчастную полянку? Впрочем, не менее печально, если, растерянный среди полей, ты нигде не находишься. Но это уже другой вопрос, из упомянутых выше слов он ни капельки не вытекает.

Дебри, в которые я забрела, в итоге привели к началу — я закругляюсь. Сад расходящихся вселенных, гипотетические и фундаментальные поля, которые, колосясь, становятся садами. И где-то среди них потерянное кроется сознание, там или сям, то так, то сяк, более или менее себя осознавая. Со стороны посмотришь — бестолковое мерцание. Но, к сожалению, нельзя со стороны. А отсюда, изнутри, из самого нутра, хорошо видно, что всякий раз, в

любом просвете, буквально, где ни попадя, сознание ищет смыслы. Ими оно питается, за них цепляется, без них в обоих смыслах тухнет. Естественно, оно их не находит. С чего бы? Ведь очевидно, что они являются продуктом её же жизнедеятельности. Из, судя по всему, гуманистических или, возможно, эстетических соображений оно старается об этом меньше думать. Кому, действительно, понравится осознавать, что он питается тем, что из него же и выходит. Для этого явления есть слово, но мало ли, что есть.

Таким образом, не без перверсий и практически тайком, сознание генерирует смыслы, при любой возможности и вовсе без неё, бывает так, что, право слово, из говна и палок. И метит ими территорию. Прежде всего, чтобы не свихнуться. Следуя по своим стопам, по этим крохам самопального смысла, сознание, будто мальчик-с-пальчик, блуждает по лабиринту тех фантазмагорий, которые претерпевает всякий раз. Блуждает — не то слово, впрочем. Поскольку в ходе наблюдений складывается подозрение, что оно всё-таки преследует цель. Идя по той или иной тропинке, оно приходит по ней то в ужас, то в отчаяние, то в восторг, а хочет, наконец, прийти в себя. Метафорически выражаясь, оно, петляя без конца по длинным коридорам галереи, увешанной картинами мира, надеется увидеть среди них свой автопортрет. Вполне понятно, что для начала его хорошо бы написать. А написать его, в свою очередь, можно, только хоть раз себя воочию увидев. А с этим, как мы уже поняли, у сознания серьёзные проблемы. И главная из них — невозможность хотя бы понять, что делать: создавать ли с нуля или ему не кажется порой, что где-то, чёрт знает где, есть уже что-то готовое, что нужно отыскать или, бывает даже кажется, не столько отыскать, сколько вспомнить. Да-да, нет-нет да и покажется ему, украдкой, мимолётно, что оно изначально имеет некий собственный образ, носит его в себе всю жизнь, но на недостижимой для глаз сознания (так скажем) глубине. И только изредка до него доносятся, как из бездонного колодца, щемящие сердце отголоски его, этого образа, по нему тоски. И ищет, отчаянно и невольно, сознание в этом мире не что другое, как любые средства, способные извлечь этот образ наружу, чтобы соприкоснуться, вспомнить, воспринять. Оно ищет для него здесь форму, сосуд, всё, что угодно, во что бы можно было положить его, чтобы пощупать, наконец, увидеть и проснуться. Мучается, мечется, хватается за что попало, выманивает его музыкой, стихами, пытается впихнуть в людей, в картины, в воспоминания, в слова. Обманывается, теряет, плачет и снова озирается, прислушивается, ждёт. А ведь при этом не так уж и мала вероятность того, что на самом деле нет никакого ни образа, ни, соответственно, его тоски, вообще никакой разницы, ни в чём и ровным счётом. Впрочем, вероятность того, что нет никакого «самого дела», будет, наверное, побольше.

Где-то в вышеизложенном не очень хорошо скрывается от кого-то маленький парадокс (один из). Есть у сознания в самой глубине, практически под ним, такая мысль, будто время (да и, чего мелочиться, пространство) — занавеска. За нею целиком сосуществует всё, везде и сразу. Всё, что могло бы быть и не могло, и было, есть, что будет и не будет, возможно, невозможно, мыслимо и нет. Только в сознание бедное всё это дело не влезает. Такая, знаете ли, вещь в себе, прикрытая завесой восприятия. Вот им как раз и занято сознание. «Зачем?», нет-нет да и спросите вы. А мы допустим, что, так или иначе осознавая тот или иной момент и придавая этому какой-то смысл, сознание формирует, формулирует, если хотите, оформляет бесформенное и тем самым бестолковое естество. Неблагодарное, стоит отметить, занятие: вложенные смыслы то и дело выпадают из контекста, факты не налезает на положение вещей, данность трещит по швам, из которых мысли разбегаются, оставляя голую, то бишь невыносимую, правду, вопиющую о том, чтобы её во что-то облекли: в миф, паттерн, мысль, да хотя бы в слово. Время от времени наступает совсем болезненный момент, когда действительность не лезет ни в какие рамки из тех, что у сознания есть в наличии, а сделать новые не так-то просто. Поэтому, кстати или не очень говоря, сознание так грешит любовью натягивать на новый глобус старую сову. Получается больно и глупо, а что поделать. Не скажу (не из вредности, просто не помню), в каком контексте, но где-то премногоуважаемый Карл Ясперс написал: «В той

мере, в какой человек представляет собой готовую форму, он близок животным». Не целиком, но какими-то частями в эту фразу можно поместить аж две из изложенных мною мыслей.

Я сделала ещё, похоже, круг и снова закругляюсь. Было бы славнo напоследок найти затейника этого дивертисмента, того, кто поставил сознание в такое, прямо скажем, неудобное положение. Поставил и оставил, судя по всему. Кто выдаёт сознанию данность? Кто накрывает для него поляны? Давайте хотя бы тут исходить из того, что имеем. Имеем ли мы что-то типа бога? Ой ли, куда скорее он имеет нас. Так что, не будем ничего такого рассматривать — смотреть тут не на что особо. Зато наверняка вы тоже уже видите, как снова всплывают ипостаси, все три, как одна. Так они намекают нам, что в некотором смысле сознание всё делает само: само себя и мучает, и радуется, пугает или тешит. Чем, очень хочется спросить, при этом руководствуется? Несмотря ни на что, будем всё же надеяться, что хоть чем-то. Хотя, самозабвение, с которым сознание себя дурачит, весьма напоминает коматоз, поэтому говорить о его участии в процессе можно, а можно, с тем же успехом, и не говорить. Вряд ли, будем тоже надеяться, здесь имеет место какой-то чистый, не замутнённый смыслом мазохизм. Допустим (а куда деваться?), что глубоко внутри лежит резон. Саморазвитие, эволюция, движение к совершенству? Мало, конечно, очень мало на то похоже, но опять-таки, мало ли. Ещё возможен чисто экспериментальный вариант, в котором количество испытаний превалирует над их качеством, да что там, результатом. В таком очень печальном случае сознание связано по рукам и ногам смиренной рубашкой данности, которую оно должно (кому-то почему-то) беспомощно претерпевать. Однако, так это или иначе, подобные куцы энтелехии негоже долго обсуждать. Уж очень они похожи на собачью чушь.

Переключить внимание, если оно ещё осталось, я предлагаю на осуществление. Положим (аккуратно), что бытие (прошу прощения) осуществляется посредством осознания. Что там, за занавеской, всё есть, но в состоянии возможности. Непаханое поле вероятностей, безбрежный океан волновых функций. Осознавая тот или иной момент, вступая с ним во взаимодействие, сознание становится тем самым пресловутым наблюдателем, который коллапсирует суперпозицию до однозначного какого-нибудь «вот», придаёт всевозможности определённые свойства, тем самым осуществляет, по сути создаёт этот (или иной) мир. *Cogito ergo sum*, в каком-то смысле. В другом — теория оркестрованной объективной редукции, не иначе. Наощупь поначалу подобная идея кажется довольно гладкой, но тут же мы опять натываемся на парадокс. Вопреки как бы фундаментальным положениям квантовой механики сознание не ограничивается технической работой прибора Штерна-Герлаха — оно берёт и направляет свой взгляд на самоё себя. И вот уже самосознание стирает границу между системой и средой, субъектом и объектом, тот самый необходимый, хоть и гипотетический, *Heisenberg cut*, без которого невозможна декогеренция и, по идее, познание как таковое. А по ещё большему счёту, без этой границы невозможно вообще ничего. Точнее говоря, возможно всё, везде и сразу, то есть конкретно всё же ничего. Где её провести — дело сугубо Ваше, можете двигать её туда-сюда, главное, чтоб была. Чтобы разделяла (пускай условно, но принципиально) систему и среду, субъект и объект, внутреннее и внешнее, бытие и небытие. И таким образом обеспечивала сам факт существования. А тут приходит самосознание и подтирает столь важную черту или, скорее, наоборот, расширяет границу до безграничного беспредела, что, в принципе, одно и то же. Винить в этом сознание я бы не стала — слишком уж нелепо. Нельзя же провести границу, не заглянув хотя бы краем глаза за неё, то есть не переступив её по крайней мере мыслью. А где мысль, там и сознание, понятное дело. Так выходит ерунда, которую сознание называет жизнью, более того, которую живёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.